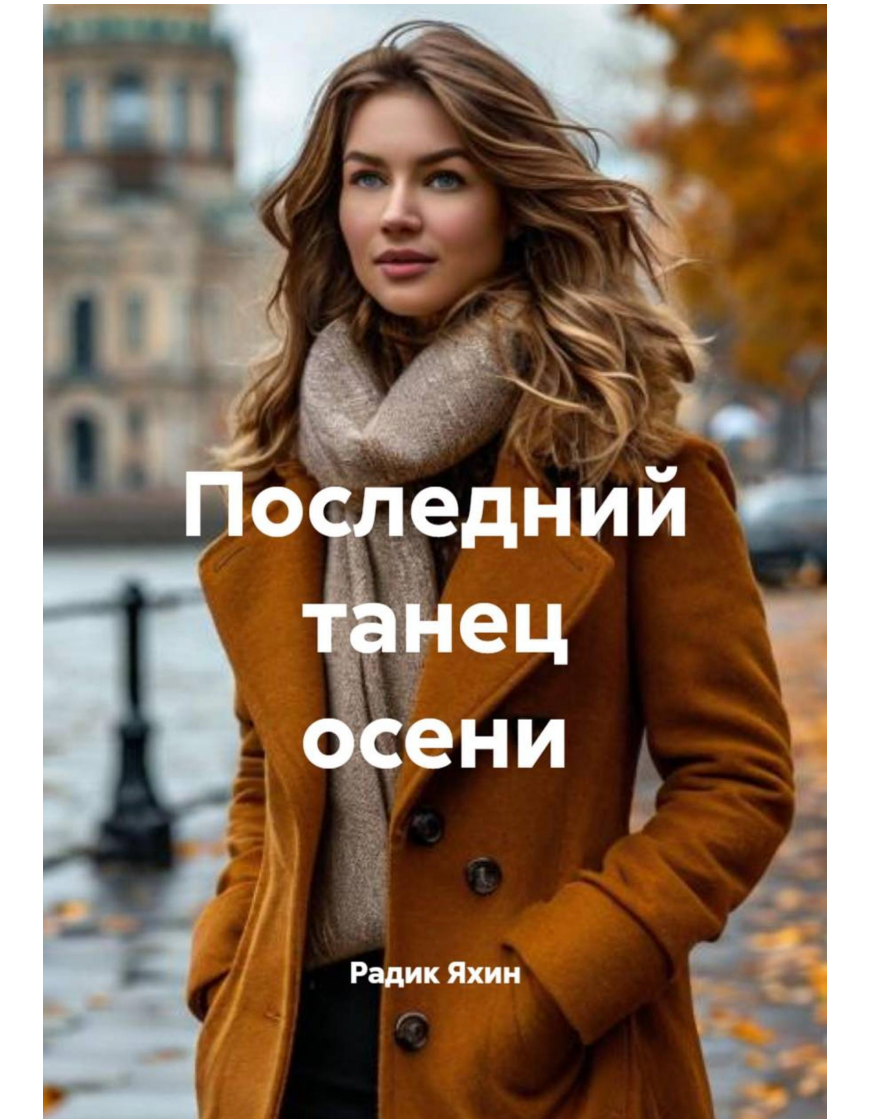

A woman with long, wavy brown hair and blue eyes is the central figure. She is wearing a thick, brown double-breasted coat over a light-colored, textured scarf. She is standing in an outdoor setting, likely a city street, with a blurred background showing autumn trees with yellow and orange leaves and a building. The ground is covered with fallen leaves. The text is overlaid on the image in a clean, white, sans-serif font.

Последний танец осени

Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

Последний танец осени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73182988

SelfPub; 2026

Аннотация

В промозглой осенней мгле Санкт-Петербурга пересекаются пути двух непохожих людей: художницы Вероники, утратившей вдохновение, и архитектора Тимура, загнанного в тупик бюрократическими преградами. Их случайная встреча в маленьком кафе «Под радугой» становится точкой отсчёта для медленного, трепетного диалога двух миров – интуитивного и рационального, эмоционального и структурного. Через споры об искусстве и функциональности, через боль творческих кризисов и робкие прорывы к взаимопониманию они учатся видеть красоту в чужом языке – и находят любовь там, где, казалось, возможна лишь вечная вражда. Это история о том, как два одиночества, вооружённые кистями и чертежами, создают собственный язык – и собственный мир.

Радик Яхин

Последний танец осени

Осень в Санкт-Петербурге – это не время года, а особое состояние души. Воздух пропитан запахом мокрого асфальта, увядающей листвы и далекого моря. Небо, затянутое в свинцовые тучи, висит так низко, что кажется, будто можно дотянуться рукой и ощутить его бархатистую, холодную поверхность. В такие дни город похож на акварельный рисунок, выполненный мастером в сдержанной, меланхоличной гамме. Серый, золотой, бронзовый, выцветший багрянец. Именно в такую осень, когда душа особенно остро жаждет тепла, судьбы двух людей, идущих параллельными курсами, решили совершить резкий, неожиданный вираж. Их миры были кардинально разными. Её мир состоял из запаха масляных красок, тишины мастерской и немного диалога с холстом. Его мир был миром точных расчетов, графиков, неумолимой логики бетона и стекла. Она верила в порыв, в озарение, в душу, вложенную в мазок кисти. Он верил в функциональность, в прочность, в красоту, выверенную до миллиметра. Между ними лежала целая вселенная непонимания. Но вселенная, как известно, имеет свойство сжиматься до размеров маленького осеннего кафе, где на два последних столика у окна претендуют сразу двое. Один – усталая девушка с большим портфелем, из которого торчат тюбики с краской. Дру-

гой – сосредоточенный мужчина в идеально сидящем пальто, с планшетом в руках. Их взгляды встретились. Небо за окном выбрало этот момент, чтобы выпустить из своих серых закровов первую, робкую снежинку. Она закружилась в медленном, безнадежном танце, прежде чем растаять на мокром стекле. Танец начинался.

Вероника Архипова закрыла дверь своей мастерской с чувством глубочайшего опустошения. Тишина, обычно такая плодотворная и дружелюбная, сегодня давила на уши. Холст на мольберте оставался пустым уже третью неделю. Белое полотно смотрело на нее с немым укором, а краски на палитре засохли комками, превратившись в бесполезный, красочный мусор. «Творческий кризис» – звучало как изящный диагноз, который ставят избалованным художникам. Для Вероники же это была настоящая пытка. Ей казалось, что связь между ее сердцем и кончиками пальцев оборвалась. Она могла механически смешивать цвета, наносить их на холст, но рождалось нечто бездушное, мертворожденное. Ей нужно было сменить обстановку, вырваться из этого замкнутого круга стен, увешанных незаконченными работами. Она накинула старый, растянутый свитер, сунула в большой потрепанный портфель блокнот для эскизов и пару любимых карандашей, надеясь, что может быть в суете города к ней вернется вдохновение. Ее путь лежал через весь центр, и она решила зайти в маленькое, неприметное кафе «Под ра-

дугой» на Литейном. Там был ее любимый угловой столик у окна, откуда так удобно было наблюдать за прохожими и делать быстрые зарисовки. Но сегодня, как назло, её уголок был занят.

Тимур Орлов вышел из офиса с чувством легкого, но стойкого раздражения. Проект, над которым он работал последние полгода – проект реконструкции исторического здания под современный бизнес-центр – снова уперся в глухую стену бюрократии и консерватизма чиновников из КГИОП. Каждая деталь, каждый новый материал, каждый скругленный угол вызывал шквал замечаний. Его мозг, привыкший к четким алгоритмам и конструктивным решениям, отказывался принимать эту иррациональную, тягучую сопротивляемость. Ему нужен был кофе. Крепкий, горький, без сахара. Он зашел в первое попавшееся кафе, где не играла громкая музыка. Его взгляд сразу же выхватил единственный свободный столик у окна. И одновременно с ним к этому же столику направилась девушка. Она шла, уткнувшись взглядом в пол, и почти столкнулась с ним. Тимур отступил на шаг, вежливо дав ей дорогу, но она лишь мельком взглянула на него, и в ее серых глазах он прочитал ту же усталость, что чувствовал сам, только природа ее была иной. Не деловая, а какая-то творческая, изможденная. «Пожалуйста», – сказал он, жестом указывая на столик. «Спасибо», – пробормотала она, снимая с плеча огромный портфель. Они сели од-

новременно, каждый погруженный в свои мысли, разделенные лишь маленьким столиком из темного дерева и взаимным нежеланием разговаривать. Тимур заказал двойной эспрессо, Вероника – капучино с корицей. Первая снежинка, упавшая на стекло, заставила ее поднять голову. Он тоже посмотрел в окно. Так, в молчаливом созерцании первых признаков зимы, началась их случайная встреча.

Молчание затягивалось, становясь почти осязаемым. Вероника достала блокнот и стала машинально выводить линии, пытаясь поймать силуэт промокнувшего голубя на карнизе напротив. Тимур, закончив кофе, открыл планшет, чтобы еще раз проверить чертежи, но его взгляд то и дело скользил по быстрым, уверенным движениям карандаша в руке девушки. Он ненавидел это праздное, на его взгляд, времяпрепровождение, но в ее движениях была какая-то гипнотизирующая точность. Вдруг ее карандаш соскользнул, оставив на бумаге длинную, рваную черту. Вероника тихо выругалась. «Не клеится?» – неожиданно для себя спросил Тимур. Она вздрогнула и посмотрела на него, как будто только сейчас заметив его присутствие. «Да. Ничего не клеится. Вообще». Ее ответ прозвучал так искренне и безнадежно, что Тимур, обычно сдержанный, почувствовал странное желание поддержать этого незнакомого человека. «У меня сегодня тоже такой день. Весь мир сопротивляется», – сказал он, откладывая планшет. «Мой мир сопротивляется изнут-

ри», – вздохнула Вероника, закрывая блокнот. Они снова замолчали, но уже не так напряженно. Он представился. Она кивнула: «Вероника». За окном снег начал идти гуще, забеляя крыши и плечи прохожих. Им обоим не хотелось выходить обратно в этот холод, обратно к своим неудачам. И тогда Тимур, нарушая все свои правила, предложил: «Может, еще по чашке? Кажется, эта осень решила сегодня никуда нас не отпускать». Вероника улыбнулась. Это была первая, едва заметная улыбка за долгие дни. «Да. Пожалуй».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.